

Базовые причины торгово-экономического противостояния США и КНР

УДК 339.98(73+510)

Валерий БЕЛЬСКИЙ,
доктор экономических наук, доцент

Дмитрий ПРИМШИЦ,
кандидат экономических наук, доцент

Валерий БЕЛЬСКИЙ, Дмитрий ПРИМШИЦ. Базовые причины торгово-экономического противостояния США и КНР. В статье анализируются ключевые причины обострения американско-китайских торговых отношений, которое стремительно трансформировалось в масштабное экономическое противостояние. В последнее время оно приобретает характер принципиальной политико-идеологической конфронтации, поступательно перерастающей в полноформатную холодную войну, результатом которой станет обновление архитектуры мирового порядка и актуализация глобального лидера. Подчеркивается, что вероятность заключения полноценного мирового соглашения между сторонами, предусматривающего откат к позициям января 2018 года, в ближайшей перспективе относительно низка.

Ключевые слова: торгово-экономические отношения, торговая война, противостояние, причины, политико-идеологическая конфронтация, Китай, США.

Valery BELSKI, Dmitry PRIMSCHITZ. Fundamental Causes of Trade and Economic Confrontation between the USA and China. The article analyzes the key reasons for the aggravation of the USA–China trade relations, which rapidly spiraled into a large-scale economic confrontation. It has acquired the features of a political and ideological standoff that is gradually descending into an all-out cold war. This war will bring about a new architecture of the world order and will result in the actualization of the global leader. The authors believe that it is unlikely that in the near future the parties will reach a full-scale agreement that will restore the state of things that were back in January 2018.

Keywords: trade and economic relations, trade war, political and ideological confrontation, causes, China, USA.

В настоящее время отмечаются тенденции усиления протекционизма в системе международных отношений и нарастания конфронтации между ведущими экономиками мира. В жертву с легкостью приносятся традиционные подходы к обеспечению конкурентоспособности на глобальных рынках, дееспособность ВТО и признанных торгово-экономических механизмов, эволюционно формировавшихся многие десятилетия. Последствия этого уже сейчас негативно сказываются на всей мировой экономической системе [1].

Потому особую актуальность приобретают вопросы определения базовых предпосылок к обострению экономических отношений между Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами Америки.

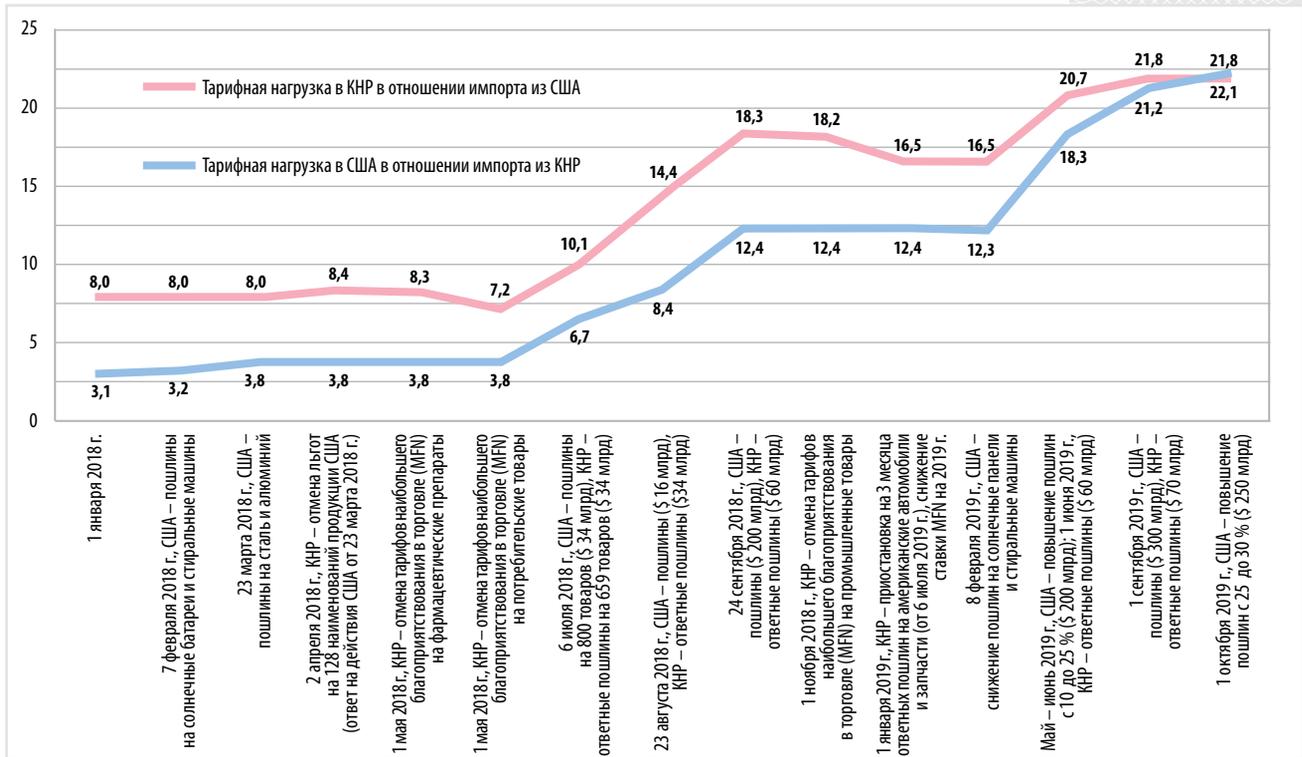
Не погружаясь в исторические аспекты их противостояния [2], отметим, что к началу 2020 года стороны обменялись 15 решениями протекционистского характера, связанными с введением импортных

пошлин на те или иные товарные группы, и провели 13 раундов двусторонних переговоров по урегулированию ситуации на высоком уровне. В итоге средняя тарифная нагрузка на общий объем импорта участников противостояния примерно сравнялась в октябре 2019 года, составив 21,8 % у США против 22,1 % у КНР (рис. 1).

Ключевые предпосылки к обострению отношений

Формальной причиной инициирования США торгового противостояния с Китаем выступила проблема торгового дефицита, который в 2017 году составлял 376 млрд долларов, в 2018 – 419 млрд долларов. Официальная позиция Администрации президента США сводилась к тому, что отрицательное сальдо двусторонней торговли – результат «несправедливой торговой политики Китая».

Другой формальной причиной является несоблюдение китайской сторо-

ной американских прав на интеллектуальную собственность. По данным Комиссии по охране интеллектуальной собственности США, свыше 80 % убытков от заимствования американской интеллектуальной собственности при-

ходит на китайских производителей. Более 78 % всего конфискованного на американской границе контрафакта составлялось из Китая. Около 90 % исследований по фактам промышленного шпионажа в США и 60 % всех дел не-

▲ Рисунок 1. Средняя тарифная нагрузка на импорт в ходе торгово-экономического противостояния США – КНР, %
Источник: составлено на основе данных Министерства финансов США и Министерства коммерции КНР.

ОБ АВТОРАХ

БЕЛЬСКИЙ Валерий Иванович.

Родился в 1968 году в д. Дивочицы Бельничского района Могилевской области. Окончил Белорусскую государственную сельскохозяйственную академию (1993).

В 1993–1995 годах – главный экономист совхоза «Калиновский» Бельничского района. В 1997–1998 годах – научный сотрудник, в 1998–2002 – заведующий сектором ценообразования, заместитель директора по научной работе БелНИИ экономики и информации АПК. В 2002–2006 годах – первый заместитель директора, и. о. директора Института аграрной экономики НАН Беларуси, в 2006–2008 годах – первый заместитель директора Института экономики НАН Беларуси – директор Центра аграрной экономики. В 2008–2012 годах – и. о. директора, директор Института системных исследований в АПК НАН Беларуси. В 2012–2015 годах – помощник члена Коллегии (министра) по промышленности и агропромышленному комплексу Евразийской экономической комиссии. В 2015–2016 годах – ректор Института подготовки научных кадров НАН Беларуси, в 2016–2020 – директор Института экономики НАН Беларуси.

С 2020 года – заместитель главы администрации, помощник Президента Республики Беларусь по вопросам финансово-кредитной системы. Доктор экономических наук (2019), доцент (2009).

Автор более 400 научных и учебно-методических работ.

Сфера научных интересов: государственное регулирование экономических отношений.

ПРИМШИЦ Дмитрий Витольдович.

Родился в 1980 году в г. Гродно. Окончил Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (2004), Белорусский государственный экономический университет (2009).

В 2004–2014 годах – преподаватель-стажер, преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры экономики и управления на предприятии, заместитель декана по научной работе факультета экономики и управления Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. В 2015–2016 годах – проректор по научной работе Института подготовки научных кадров НАН Беларуси. С 2016 года – заместитель директора по научной и инновационной работе Института экономики Национальной академии наук Беларуси.

Кандидат экономических наук (2011), доцент (2020).

Автор более 60 научных и учебно-методических работ, в том числе шести монографий (в соавторстве).

Сфера научных интересов: мировая экономика, экспертно-аналитическое сопровождение деятельности органов государственного управления, инновационное развитие экономики, воспроизводство капитала.

санкционированного доступа к коммерческой тайне были связаны с китайскими гражданами [3, с. 29].

Дело в том, что регистрация прав на интеллектуальную собственность в Китае имеет ряд особенностей, в том числе т. н. «право первого заявителя», согласно которому правообладателем становится тот, кто первым регистрирует права на территории КНР, независимо от предыдущих регистраций в других странах. Такой подход позволяет китайским компаниям превентивно регистрировать набирающие популярность зарубежные товарные знаки. Сформировался даже класс экономических сквоттеров, внимательно отслеживающих все современные мировые тенденции, бренды, товарные знаки во множестве отраслей с тем, чтобы как можно быстрее зарегистрировать их в Китае, а после прихода правообладателей на китайский рынок предложить им выкупить права на их использование. В результате американские компании отмечали существенные затруднения в ходе поставок продукции или оказания услуг на внутреннем рынке КНР под своими торговыми марками, зарегистрированными в США.

Следующим спорным аспектом в вопросе соблюдения американских прав на интеллектуальную собственность выступает особенность законодательства КНР, предусматривающая обязательную передачу иностранными инвесторами и учредителями совместных предприятий всех производственных технологий китайской стороне. Позиция Пекина состоит в том, что передача технологических решений – справедливая плата для иностранных предпринимателей за доступ на внутренний рынок, которая активно используется в качестве эффективного механизма трансфера новых технологий в страну. Подобная практика является реализацией выдвинутого в 1984 году Дэн Сяопином лозунга «часть рынка в обмен на передовые технологии».

Более того, решение о начале работы иностранного инвестора в Китае требует обязательного заключения специальной комиссии, которая запраши-

вает и изучает всю инвестиционную и техническую документацию по проекту вплоть до чертежей образцов, химических формул, исходных кодов программного обеспечения и т. д. По сути, такой подробной информации достаточно для организации обратного инжиниринга планируемых к производству изделий и воспроизводства всей технологической цепочки. Перед началом массового выпуска нового продукта такие комиссии также проводят технологические проверки действующих предприятий.

Многие американские компании (Huntsman, DuPont, Micron Technology и др.) жаловались в надзорные органы США, что вскоре после передачи специальной комиссии всех запрашиваемых сведений и начала выпуска продукции они сталкивались с аналогичными изделиями китайских конкурентов, произведенными по схожим технологиям. В судах на территории Китая подобные претензии разрешать не удавалось, поскольку антимонопольные органы и другие регуляторы занимали сторону китайских предприятий, в результате чего решения выносились не в пользу истцов.

По данным Американской торговой палаты, не менее 20 % американских компаний, ведущих бизнес в Китае, сталкивались со «значительным давлением» местных властей в вопросах принудительной передачи технологических решений. Официальная позиция США в этом вопросе заключается в том, что принудительная передача технологий является экономической агрессией КНР, которая ежегодно приносит американским компаниям ущерб в размере 50 млрд долларов [4, с. 29].

Третья базовая причина обострения американо-китайских торгово-экономических отношений связана со спецификой государственного устройства и структурой народного хозяйства Китая. Высокая доля государственной собственности в его экономике позволяла американским экспертам незаслуженно обвинять Пекин в субсидировании экспортно ориентированных

производств и отраслей, которые традиционно выступали одним из ключевых драйверов высоких темпов социально-экономического развития страны в течение нескольких десятилетий. Позиция США была прямо связана с недопустимостью подобного субсидирования. Однако специфика государственного и провинциального управления в КНР, плановые подходы к размещению государственного заказа, обилие особых экономических зон и технопарковых структур с дифференцированными льготами и условиями хозяйствования во многом нивелируют обвинения со стороны США и не позволяют им в полной мере задействовать регулятивную систему ВТО.

Пристальное внимание американского истеблишмента традиционно приковано к прямым китайским инвестициям в страну. По данным Бюро экономического анализа США, накопленный объем прямых китайских инвестиций к концу 2017 года не превышал 40 млрд долларов, а размер прямых американских инвестиций в Китай оценивался на уровне 108 млрд долларов [5].

Вместе с тем отдельные американские эксперты отмечают: фактический объем китайских инвестиций в американскую экономику существенно занижен, поскольку не учитывает китайские вложения, поступающие через третьи страны. Оценки консалтинговой компании Rhodium Group свидетельствуют, что реальный объем накопленных инвестиций Китая в США превышает 140 млрд долларов [6].

Инвестиции китайских компаний в экономику США вызывают настороженность официального Вашингтона главным образом в контексте доступа китайских субъектов хозяйствования к передовым технологиям и результатам НИОКР американских компаний. Руководствуясь интересами национальной безопасности, власти США в 2016–2017 годах неоднократно накладывали прямой административный запрет на приобретение китайскими инвесторами, предположительно связанными

с госструктурами КНР, американских компаний, а также блокировали инвестиционное вхождение в их акционерный капитал. Подобные решения широко освещались в СМИ и вызвали рассуждения по поводу стремления китайской стороны получить в свое распоряжение передовые американские технологии.

В результате в августе 2018 года в США был принят закон о контроле инвестиционного рынка, регламентирующий перечень критических технологий, которые имеют принципиальное значение в контексте обеспечения национальной безопасности. В марте 2019 года в Конгресс США был внесен, а в мае 2020 принят антикитайский по своей сути законопроект «Акт об ответственности иностранных компаний-холдингов», который обязал компании, выходящие на IPO или уже торгующие на бирже, доказывать, что они не контролируются иностранным правительством, а также предоставлять американским регуляторам доступ к аудиторским проверкам, в том числе своих филиалов за рубежом [7].

Четвертая причина торгово-экономического противостояния США и КНР связана с китайскими поставками металлов – стали и алюминия. Первый шаг обострения отношений в марте 2018 года предусматривал повышение таможенных пошлин именно на сталь (+25 %) и алюминий (+10 %), что обусловлено доминирующей позицией Китая на мировом рынке металлургической продукции и однозначной зависимостью американской экономики от поставок металлов из КНР. Накануне торгового конфликта Китай, обладающий избыточными производственными мощностями в металлургической отрасли, производил 49,5 % всей стали в мире, являясь крупнейшим глобальным экспортером [8, с. 198].

Серьезным раздражителем в американо-китайских отношениях также выступает трансформация позиции высокотехнологичных производств КНР в международном разделении труда,

особенно в отрасли связи и телекоммуникаций. Китай вышел на лидирующие позиции по выпуску многих видов высокотехнологичной продукции, по отдельным ее видам производя больше, чем все остальные страны вместе взятые (например, мобильные телефоны и персональные компьютеры). В 2017 году КНР занимала первое место по объему экспорта телекоммуникационного оборудования с долей мирового рынка на уровне 32 % (592 млрд долларов) против 7,3 % у США (153 млрд долларов) [9, с. 32].

В 2018 году Китай обеспечивал до 60 % всех импортных потребностей американской стороны в оборудовании для телекоммуникаций, поставляя в США данной продукции на сумму 157 млрд долларов.

Зависимость США от поставок телекоммуникационного оборудования из Китая на фоне многочисленных обвинений со стороны американских спецслужб в перехвате и последующем анализе технологическими компаниями Китая транслируемых через китайское оборудование потоков данных привело в августе 2018 года к запрету на приобретение американскими госкомпаниями китайского телекоммуникационного оборудования, а также введению санкций в отношении предприятий Huawei и ZTE.

Системный анализ претензий США к китайской стороне позволяет отметить их формальный характер и противоречие заявленным Вашингтоном целям сокращения дисбаланса двусторонней торговли и решорингом американских компаний. Так, выполнение Китаем требований американской стороны в части соблюдения международных норм защиты интеллектуальной собственности и упразднения обязательной передачи технологий при создании совместных производств выступит мощным стимулом для релокации американских компаний в КНР, что прямо противоречит задаче их решоринга и последующего увеличения количества рабочих мест в США.

Более того, преференциальные требования к Китаю нарастить импорт поставок американской продукции для сокращения дефицита двусторонней торговли прямо предполагают углубление всех видов двустороннего сотрудничества и усиление взаимозависимости, в том числе торгово-экономической, кредитно-инвестиционной и научно-технологической, что явно диссонирует с решением стратегической задачи американской стороны по сдерживанию социально-экономического и технологического развития КНР.

В настоящее время Китай является второй экономикой мира, которая продолжает динамично развиваться, обеспечивая до 27,5 % прироста глобальной экономики. Причем качество экономического роста китайской экономики во многом обеспечивается внутренним потреблением и форсированным инновационным развитием передовых производств, составляющих ядро будущих технологических укладов, что формирует задел для опережающего социально-экономического развития на десятилетия вперед [10].

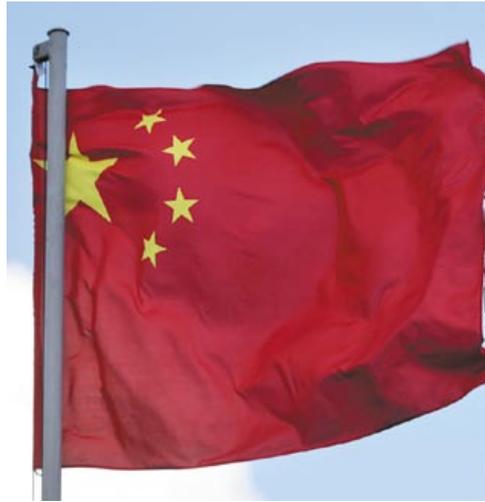
Осознание того, что в ближайшее десятилетие Китай станет первой экономикой мира и технологическим лидером по целому ряду прорывных направлений, является главным раздражителем американского истеблишмента. Впервые после крушения биполярной модели мироустройства США, традиционно претендующие на сохранение мирового лидерства, столкнулись с партнером, который обладает сопоставимым потенциалом. Наличие системных проблем в американской экономике, которые ведут к замедлению экономического роста в новых условиях, означает объективную неспособность США развиваться быстрее КНР, что неизбежно приведет к нивелированию их мировой гегемонии уже в среднесрочной перспективе. Такое положение дел детерминирует только один путь противоборства – искусственное сдерживание развития и системное ослабление Китая с использованием всего арсенала механизмов и

инструментов холодной войны. В связи с этим декларируемые США причины торгово-экономического противостояния являются лишь ширмой, т. н. «операцией прикрытия» [11, с. 151].

Сделано в Китае

В стратегическом плане усилия США направлены на системное сдерживание экономического и технологического развития Китая, а в тактическом – блокирование реализации программы Made in China 2025, нацеленной на технологическую модернизацию китайской промышленности. Документ предусматривает девять приоритетных задач: повышение уровня технологичности, стимулирование инновационного развития, укрепление промышленной базы, создание новых и развитие существующих китайских брендов, обеспечение экологически чистых производств, модернизацию предприятий, развитие секторов услуг, связанных с реальным сектором, интернационализацию предприятий. Реализация названных задач планируется в рамках пяти базовых проектов, которые учитывают в том числе создание инновационных производственных центров и проведение «умной» неоиндустриализации. Программа предполагает, что к 2025 году Китай обгонит США по 10 прорывным технологиям (информационные технологии, искусственный интеллект, робототехника, авиация и космонавтика и т. д.), а к 2049 (100-летие создания КНР) страна превратится в мирового лидера по всей линейке НИОКР [12].

Программа «Сделано в Китае – 2025» предусматривает принципиальное повышение уровня технологичности китайского экспортного производства, что де-факто является мощным раздражителем в американо-китайских отношениях. Китайские аналитики это прекрасно понимают, а официальный Пекин стремится в полной мере учитывать стратегическую озабоченность американской стороны, позаботившись об изъятии упоминаний этой программы из доклада о работе правительства, представленного

в марте 2019 года на сессии ВСНП. Более того, тезисы доклада главы Госсовета КНР Ли Кэцяна в части стремления китайской стороны придерживаться международных правил ведения внешней торговли и инвестирования, а также отказаться от обязательной передачи технологий были озвучены главным образом для придания положительной динамики торговых переговоров с США [13, с. 180].

Одна из фундаментальных причин американо-китайских противоречий обусловлена ускоряющейся гонкой между США и КНР в освоении прорывных технологий. Во-первых, это технологии искусственного интеллекта, которые Китай ускоренно осваивает с 2017 года на основе программы «План развития искусственного интеллекта следующего поколения», ориентированной на обретение лидирующих позиций в области теории, технологий и прикладных приложений искусственного интеллекта, а также увеличение вклада связанных с ним отраслей экономики в ВВП страны до 150 млрд долларов [14, с. 45].

В ответ Конгресс США в 2019 году принял закон, нацеленный на создание национального центра развития искусственного интеллекта с бюджетом 1,75 млрд долларов на последующие шесть лет. Более того, США призывают союзников (Канада, Австралия, Великобритания и ряд европейских стран) создать «сеть партнеров», которая будет

обмениваться данными, исследованиями и талантами, а также противостоять любым китайским инициативам по использованию искусственного интеллекта в интересах системы общественного доверия. В ноябре 2019 года американская инициатива «О создании альянса искусственного интеллекта в свободном мире» была одобрена Генеральным секретарем НАТО, под эгидой которого создается комиссия искусственного интеллекта «в качестве форума для обмена данными» и «для противодействия автократии».

Во-вторых – освоение и коммерческое использование прогрессивных технологий подвижной связи и мобильной передачи данных, способных объединять людей, данные, вещи, транспортные системы и города в «умную» среду сетевых связей. С 1 ноября 2019 года в Китае началось широкое коммерческое использование сетей пятого поколения (5G), лицензии получили ключевые китайские провайдеры сотовой связи – China Mobile, China Unicom, China Telecom, а также Медиакорпорация Китая. Более того, китайские технологические гиганты уже приступили к исследованиям и разработкам по созданию сетей шестого поколения [15].

В-третьих, это технологии освоения космического пространства. КНР планирует стать крупнейшей экономикой мира, для чего потребуется обширная добыча новых полезных ископаемых, причем некоторые из них не будут доступны на Земле. В данной связи в конце октября 2019 года Китай объявил о реализации Плана создания к 2050 году космической экономической зоны Земля – Луна, в концепции которого красной нитью проходит задача опережения США в космическом пространстве. Луна с ее богатыми ресурсами, включая гелий-3 для ядерных реакторов, воду в форме льда, железную руду, титан и платину, является источником уникальных материалов и энергии. Реальное присутствие и функционирование на Луне предоставит Китаю колоссальные возможности и экономические выгоды от пользования

космическими ресурсами (в том числе солнечной энергией) на триллионы долларов ежегодно.

Помимо указанных технологических аспектов, существуют также геополитические и военно-технические причины конфликта. США и Китай как два мировых центра силы формируют вокруг себя региональные и международные объединения, втягивая в орбиту своего влияния десятки стран со всеми вытекающими геостратегическими и военно-техническими последствиями. Поэтому американская сторона использует арсенал специальных инструментов политико-дипломатического и откровенно военного характера, целенаправленно работает как по контуру границ Китая, провоцируя напряженность в акватории Южно-Китайского моря и обостряя противоречия Пекина с Индией, Вьетнамом, Филиппинами, Японией и другими странами, так и внутри КНР, вмешиваясь в общественно-политические процессы в Гонконге, Тайване и иных китайских регионах. При помощи современных информационных методов в сознании мирового сообщества американской стороной и ее союзниками последовательно формируется образ Китая как «новой империи зла» [11, с. 152].

Для противодействия укреплению международных позиций Китая США всеми доступными средствами пытаются мобилизовать своих традиционных союзников и новых спутников, склоняют их к отказу от китайских технологических решений и участия в инициативах КНР, подталкивают к антикитайским заявлениям и действиям. Однако взаимовыгодное торгово-экономическое и кредитно-инвестиционное сотрудничество Китая с большинством из этих стран вышло на такой уровень развития, что открытая поддержка ими американской стороны уже практически невозможна.

Дополнительный вектор развития геостратегического противостояния со стороны США – ослабление партнеров Китая, стратегическое взаимодействие с которыми ведет к наращиванию экономического и военно-политического

потенциала китайской стороны. Именно в этом контексте следует рассматривать обострение американо-российских противоречий и трансатлантическую поддержку белорусского протестного движения как элемент большой политико-дипломатической игры, нацеленной на удержание мирового пьедестала, в том числе за счет реализации деструктивных тактических целей.

Изначально декларируемая США проблема отрицательного сальдо в торговле с Китаем принципиально решена не была и, скорее всего, не будет решена в будущем. Несмотря на сокращение по итогам 2019 года дефицита внешнеторгового баланса США с КНР на 30 млрд долларов по сравнению с 2017 годом, это привело к снижению американских экспортных поставок в Китай на 13,6 млрд долларов и скачкообразному росту импорта товаров из других стран, причем преимущественно по тем товарным группам, на которые США ввели таможенные пошлины по отношению к КНР. Так, Мексика увеличила свои поставки в США на 31 млрд долларов (преимущественно в секторах сельского хозяйства, транспортного оборудования и электротехники), Европейский союз – на 23 млрд (в основном в машиностроительном секторе), Вьетнам – на 14 млрд (преимущественно за счет поставок электроники, коммуникационного оборудования и мебели, которые ранее практически не экспортировались), Индия – на 3,1 млрд, Таиланд – на 1,55 млрд, Малайзия – на 1,24 млрд долларов. Прочие страны за указанный период нарастили свой экспорт в США в общей сумме на 15 млрд долларов [16].

В результате инициированного США торгового противостояния с КНР товарные потоки были перенаправлены в другие страны, чтобы через них восполнить повышенный спрос, сформированный отсутствием китайского экспорта на американском рынке.

Вместе с тем обе стороны понесли ощутимые потери от конфронтации, поставив под угрозу стабильность мировой экономики и ее будущий рост.

Торгово-экономическое противостояние США и КНР выступило одной из главных причин замедления темпов роста мирового ВВП по итогам 2018–2019 годов. В первом приближении ущерб от американо-китайского противостояния для мировой экономики оценивается на уровне 850 млрд долларов, а вклад в замедление темпов ее роста – на уровне 0,15–0,2 процентного пункта.

Несмотря на подписание 15 января 2020 года 1-й фазы Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве США и КНР, предусматривающего приостановку введения американской стороной новых таможенных пошлин в отношении китайских товаров и обязательство Китая в течение двух лет нарастить закупки сельскохозяйственной и промышленной продукции на 200 млрд долларов, что фактически должно удвоить американские поставки в Китай, оно не решает комплекса накопленных противоречий между странами. Вопреки настойчивым предложениям китайской стороны ранее введенные взаимные пошлины отменены не были.

Подписание соглашения в большей степени было нацелено на решение имиджевых внутривнутриполитических задач главы США накануне президентских выборов. Именно поэтому договоренности позиционировались в западном медиапространстве в качестве «исторических», доказывающих «убедительную победу» Вашингтона над Пекином и «способных в сжатые сроки устранить негативные эффекты» отрицательного сальдо внешней торговли с Китаем и рещоринга американских производств.

Однако два фактора свидетельствуют об эфемерности объявленной «победы» Вашингтона над Пекином: во-первых, с китайской стороны документ подписан представителем третьего уровня государственного управления, что прямо указывает на восприятие Пекином достигнутых договоренностей как весьма вторичных (промежуточных, технических) и не достойных участия китайского руководства более высокого уровня. Во-вторых, не исключено, что в обмен на

подписание столь необходимого американской стороне соглашения Вашингтон мог принять на себя обязательства о некоторых уступках, которые не приведены в открытых разделах документа.

Учитывая масштаб отмеченных причин противостояния США и КНР, вероятность заключения полноформатного мирового соглашения, предусматривающего откат к позициям января 2018 года, в ближайшей перспективе невысока. Если китайская сторона в полной мере готова к заключению торгового соглашения с тем, чтобы не терять перспективный американский рынок и обеспечивать высокие темпы роста национальной экономики, то США заинтересованы в причинении максимального экономического ущерба Китаю, причем в течение длительного периода времени.

Нельзя исключать, что стороны сделают дополнительные шаги навстречу друг другу и несколько сблизят позиции, объявят об отмене отдельного пакета пошлин на определенные товарные группы или даже согласуют дорожные карты поэтапного снижения ограничительных мер, подписав соответствующий меморандум, чтобы продемонстрировать мировому сообществу стремление к прогрессу в урегулировании конфликта. Однако американо-китайское противостояние во многом приобрело значение принципиальной политико-идеологической конфронтации, последовательно нарастающей в полноформатную холодную войну, результатом которой станет утверждение обновленной архитектуры мирового порядка и актуализация глобального лидера. ■

Статья поступила
в редакцию 22.10.2020 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бельский, В.И. Состояние, тенденции и перспективы развития белорусско-китайского сотрудничества в условиях усиления протекционизма в системе международных отношений / В.И. Бельский [и др.] // Журнал Белорусского государственного университета. Экономика. – 2019. – № 1. – С. 58–67.
2. Бельский, В.И. Торговое противостояние США и КНР: предпосылки и текущее состояние / В.И. Бельский, Д.В. Примшиц, С.Г. Голубев // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 20–21 сентября 2018 г., г. Минск: в 2 т. – Т. 2 / Под ред. В.И. Бельского [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2018. – С. 33–39.
3. Сулян, В.Б. Американо-китайские торгово-экономические отношения: причины кризиса и его перспективы / В.Б. Сулян // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 9. – С. 23–32.
4. Примшиц, Д.В. Китайский опыт технологического развития: от «фабрики товаров» к «фабрике знаний» / Д.В. Примшиц // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст.: в 4 ч. / Ин-т экономики НАН Беларуси; редкол.: В.И. Бельский [и др.]. – Минск: Ин-т системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2017. – Ч. 4. – С. 23–34.
5. Wright, G. China – US trade war heats up: 3 reasons it won't cool down anytime soon [Electronic resource] / G. Wright // The Conversation. – Mode of access: <https://theconversation.com/china-us-trade-war-heats-up-3-reasons-it-wont-cool-down-anytime-soon-109853>. – Date of access: 13.05.2020.
6. US-China Investment Trends: US-China Investment Trends – Report by the US-China Investment Project [Electronic resource] // Rhodium Group and National Committee on U.S.-China Relations. – Mode of access: http://rhg.com/wp-content/uploads/2019/05/RHG_TWS-2019_Full-Report_8May2019.pdf. – Date of access: 11.06.2020.
7. Senate Passes Bill to Delist Chinese Companies from Exchanges [Electronic resource] // Bloomberg. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-05-20/senate-passes-bill-to-delist-chinese-companies-from-exchanges>. – Date of access: 05.05.2020
8. Коледенкова, Н.Н. Проблемы развития черной металлургии КНР в годы 12-й пятилетки (2011–2015) / Н.Н. Коледенкова // Итоги 12-й пятилетки (2011–2015 годы) и перспективы развития экономики КНР до 2020 года. – М., 2017. – С. 197–210.
9. Будущее глобализации под угрозой? / И.В. Прокофьев [и др.] // Проблемы национальной стратегии. – 2018. – № 3. – С. 11–56.
10. Эксклюзив: За 70 лет КНР добилась выдающихся успехов в социально-экономическом развитии – замдиректора Института экономики НАН Беларуси Д. Примшиц [Электронный ресурс] // Синьхуа. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2019-09/30/c_138436181.htm.
11. Покрытан, П.А. Особенности торговой войны США и Китая: ренессанс меркантилистской доктрины / П.А. Покрытан, Л.А. Покрытан // Таджикистан и современный мир. – 2019. – № 1 (64). – С. 144–154.
12. Made in China 2025. The making of a high-tech superpower and consequences for industrial countries [Electronic resource] // Mercator Institute for China Studies. – Mode of access: <https://merics.org/sites/default/files/2020-04/Made%20in%20China%202025.pdf>. – Date of access: 12.02.2017.
13. Тимофеев, О.А. Китайско-американский торговый конфликт 2019 года и его перспективы: между пессимизмом и неизвестностью / О.А. Тимофеев // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2019. – Т. 24. – № 24. – С. 173–186.
14. Примшиц, Д.В. Китайский подход к ускоренному освоению технологий искусственного интеллекта / Д.В. Примшиц, С.Г. Голубев // Наука и инновации. – 2019. – № 4. – С. 43–50.
15. Chin, J. The 5G Race: China and U.S. Battle to Control World's Fastest Wireless Internet. [Electronic resource] / J. Chin // The Wall Street Journal. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/the-5g-race-china-and-u-s-battle-to-control-worlds-fastest-wireless-internet-1536516373/>. – Date of access: 16.02.2020.
16. Trade War Spurs Sharp Reversal in 2019 Reshoring Index, foreshadowing COVID-19 test of Supply Chain Resilience (Research report) [Electronic resource] // The Kearney. – Mode of access: <https://www.kearney.com/operations-performance-transformation/us-reshoring-index/full-report>. – Date of access: 07.08.2020.